

Крестьянин, колхоз и государство

Восьмого декабря 1938 г. «Правда», в передовой статьѣ, сообщила об открытом ею преступленіи: у 23 колхозников в Быховском районѣ, а в Могилевском районѣ у 32 колхозников завелись лошади. По колхозному же уставу, крестьянин владѣть лошадыю не имѣет права. Даже в том случаѣ, буде она для него не «орудіе производства», а простое транспортное средство, вродѣ велосипеда, владѣть которым, однако, не возбраняется. «Правда» указала и на второй вид обнаруженных преступленій: крестьяне кое-гдѣ обзавелись лишней коровою. В том-же Быховском районѣ власти предержавшія нашли 252 колхозника, а в Могилевском районѣ 307 колхозников, имѣющих по двѣ коровы. Колхозный устав категорически запрещает имѣть подобный излишек. Можно имѣть корову и телку, но когда телка, дѣлаясь взрослою и повинуюсь біологическому зову, грозит превратиться в корову, в животное, «дающее молоко», владѣніе ею становится уже актом недозволенным. Наоборот, кажется, нѣтъ ничего незаконнаго, если крестьянин эту самую телку, до ея замужества, превратит в мясо, его с'ѣст или продаст, пріобрѣтая взамен ситец, сахар и патефон с рѣчами Сталина. Без глубокаго знанія философіи Гегеля и особых сторон закона діалектики о превращеніи количества в качество, простой смертный никак не сможет понять головоломный юридическій казус с колхозной телкою. Щедрин об'яснил-бы его большими «вывертами мозга» управителей «Города Глупова», но времена с тѣх пор сильно измѣнились и порядки «Города Глупова» в 20 вѣкѣ называются «примѣненіем социализма в сельском хозяйствѣ».

Констатирован и третій вид преступнаго нарушенія статута. Колхозники слишком «интересуются расширеніем садоводства и огородничества» на отведенных в их личное пользованіе пріусадебных участках. Они заводят кусты малины, смородины, с усердіем работают над грядками земляники, лука, рѣпы, моркови, капусты, петрушки, свеклы. А нѣкоторые «незадачливые руководители колхозов», пишет «Правда», подчиняясь «буржуазным тенден-

ціям, заносимым остатками разбитого кулачества», вмѣсто того, чтобы неукоснительно вводить в русло эту подозрительную возню около посадок рѣпы и капусты, «охотно идут на незаконное расширение пріусадебных участков» и для этого даже «сдают землю в аренду»!

Чего тут боится сталинское правительство? Не того-ли, что лишняя корова, овца, лишняя грядка капусты нарушают принцип всеобщаго поравненія? Нѣтъ, отсутствіе «уровниловки», можно быть увѣренным, меньше всего смущает нынѣшних совѣтских управителей. В предѣлах обобщественнаго хозяйства они очень рьяно ведут борьбу с поравненіем заработков и доходов. В СССР существует 1901 колхоз с доходом от 640 тысяч до 1 милліона рублей и 561 с доходом свыше 1 милліона рублей, т. е. с ресурсами, превышающими в 20 - 40 раз средства средних и бѣдных колхозов. Какая уже тут уровниловка? В колхозѣ имени УІ с'ѣзда Совѣтов крестьянин получает на «грудодень» меньше килограмма зерна, а в Казахской области колхозник «Иван Игнатьевич Величко» получил на грудодни 1400 пудов зерна. Колхозник - комбайнер Жукор (в Ростовской области) загреб даже 1800 пудов. Не будем говорить об уровниловкѣ! Такое количество зерна в «проклятыя времена самодержавія» имѣл не кулак, а какой - нибудь маленький помѣщик «Щигровскаго уѣзда», заставшій 40 - 45 гектаров.

Основаніем для подозрительнаго отношенія правительства к личному хозяйству не может быть и «безмѣрное расширеніе личнаго скота», хотя об этом на послѣднем с'ѣздѣ очень нелѣпо говорил г. Андреев. По данным январьской переписи 1938 г., в социализированном секторѣ находится 36,3% рогатаго скота, 35,3% свиней, 44,7% овец и коз, тогда как у крестьян - колхозников — 49,3% рогатаго скота, 49,8% свиней и 46,2% овец и коз. Скот крестьянскаго сектора численно превышает социализированный скот, но если вспомнить, что этим скотом владѣют 18,8 милліонов дворов, что на сто дворов приходится только 145 голов рогатаго скота (из них только 70 коров), только 70 свиней, только 169 овец и коз, — станет очевидна бессмысленность фразы о «безмѣрном расширеніи» личнаго скота.

Конечно, не обилье скота в частном владѣніи, а нѣчто другое смущает наших управителей. В пѣгом меринѣ или буланом жеребчикѣ, которым, вопреки уставу, обзавелись кое-какіе колхозники, они усматривают троянскаго коня, вносимаго в цитадель то-

тоталитарнаго коммунизма. Телка, грозящая превратиться в животное, дающее молоко, — это тот же троянский конь, только с рогами. Скот в личном владѣніи, куры, утки, гуси, огород, садик, приусадебный участок — их пугают тѣм, что из этих элементов, послѣдніе два года, опять стала слагаться какая-то частная, — крѣпкая, независимая экономика, не подвергнутая ни планированію, ни регулированію государством. Тоталитарное міровоззрѣніе с таким положеніем мириться не может. «Все в государствѣ, ничто внѣ государства» — прокламируют и Сталин, и Гитлер, и Муссолини. В области частной крестьянской экономики, выражаясь излюбленным марксистским термином, наблюдается явное «развитіе производительных сил». Однако, это преблагое явленіе, говорящее об улучшеніи матеріальнаго положенія крестьян, имѣет мѣсто не по схемѣ и внѣ схемы, начертанной метафизиками Кремля в их картинах тоталитарнаго социализма. Они считают, что лучше оставить и пресѣчь развитіе производительных сил, чѣм допустить его в формѣ, несогласующейся с указаніями, какія Сталин мог почерпнуть из книги Бебеля, написанной в 1879 г. или, может быть, из «Острова утопій» Томаса Моора, написанной в 1516 году.

Сталин и К-о считают, что они сдѣлали крестьянству крайнія уступки. Итти дальше в этом направленіи, подрывая тоталитарный социализм, нынѣшніе (не завтрашніе!) управители не могут. В согласіи с этим, партія Сталина на своем послѣднем с'ѣздѣ вынесла резолюцію, призывающую *«усилить борьбу с нарушеніями устава сельско - хозяйственной артели, не допускать незаконнаго расширенія приусадебнаго хозяйства, приусадебных участков, скота»*. Андреев, доклад котораго на с'ѣздѣ лег в основу вынесенной резолюціи, мотивируя необходимость ввести в норму личное хозяйство крестьян, сообщил, что оно приняло такіе размѣры, что *«кое-гдѣ стало переростать общественное хозяйство»*, в результатѣ чего начало *«превращаться в основное хозяйство, а колхозное, наоборот, в подсобное»*. Сначала это кажется одним из преувеличеній, до которых обычно так падки г. г. коммунисты. Не вѣрится, чтобы крошечный клочек земли у дома крестьянина мог, в какой либо степени, быть опасным для гигантов колхозов с их тракторами, комбайнами, планированным сѣвооборотом, животноводством, поставленным на такую научную высоту, что в нем старые способы размноженія отвергнуты как устарѣлые и замѣняются послѣдним словом техники — искусственным обсемененіем. И тѣм

не менѣе Андреев с силою подчеркивал на с'ѣздѣ, что приусадебный Давид во многих мѣстностях, на самом дѣлѣ, подмял под себя колхознаго Голиафа. «Доходы личнаго хозяйства от огородов, садов, молока, мяса и т. д. в нѣкоторых колхозах стали превышать доходы по трудовымъ, что не могло не отразиться отрицательно на состояніи трудовой дисциплины в колхозах». Если это так, а мы ниже покажем, что денежные доходы от личнаго хозяйства, дѣйствительно, намного превышают доходы по трудовымъ, тогда нужно будетъ заключить, что для страха Кремля пред личнымъ хозяйствомъ крестьянина есть основаніе: жизнь, как-бы ее ни обуздывали, вносит поправки в тяжкія формы защищаемаго Кремлемъ тоталитарнаго хозяйства. В деревнѣ за послѣдніе два-три года несомнѣнно произошло нѣчто очень важное. А чтобы имѣть возможность разобратся в том, что и отчего произошло, нужно *детально* проанализировать всю сложную и *запутанную* сѣть отношеній между крестьяниномъ, колхозомъ, государствомъ. Рядъ статистическихъ и экономическихъ данныхъ, недавно опубликованныхъ в СССР, облегчаютъ такую задачу, бросая свѣтъ на то, о чемъ мы могли только догадываться, являясь, какъ предполагая, точными данными...

Всѣмъ извѣстно, что колхозы созданы для безперебойной поставки сельско - хозяйственныхъ продуктовъ государству, для снабженія послѣднимъ жителей городов, красной арміи, экспорта, промышленности, обитателей незерновыхъ районовъ, нуждающихся в хлѣбѣ. С этой цѣлью государство изымаетъ из колхозовъ до 35% валоваго сбора всякаго зерна, 100% урожая хлопка, 100% сахарной свеклы, 94% льна - волокна, 79% конопли - волокна, 78% шерсти колхозныхъ овецъ, 77% сбора подсолнуха, 52% молока от колхозныхъ коровъ, 50% масла. Сверхъ того, — картофель, овощи, фрукты, сѣно. Государство говоритъ: я не даромъ беру, постановки мнѣ обязательны, но это не налогъ, я даю за все эквивалентъ. Напримѣръ, в 1937 г. каждый колхозный дворъ внесъ 5,4 центнера зерна в качестве «натуроплаты» машинно - тракторныхъ станцій (МТС), за это тракторы и комбайны пахали, бороновали, косили и молотили колхозный хлѣбъ. Это вѣрно, только слѣдуетъ прибавить, что, сверхъ указанной натуроплаты, колхозы должны были оплачивать занятый на МТС персоналъ деньгами и натурой, такъ что в итогѣ работа МТС не можетъ быть признана дешевой. Что же касается собственно обязательныхъ поставокъ, государство настаиваетъ, что оно ихъ оплачиваетъ справедливыми заготовительными цѣнами. Мы сейчасъ уви-

дим, каковы нынѣ эти заготовительныя цѣны, и чтобы измѣрить их высоту, параллельно, дадим цѣны, по которым сельско - хозяйственный производитель продавал свою продукцію до войны (в мѣстностях, далеких от больших рынков и желѣзных дорог, цѣны были ниже, чѣм мы указываем).

Заготовительныя цѣны

	1913 г.	1937 г.
Пшеница центнер	5 р. 58 к.	12 р. 20 к.
Подсолнух »	6 р. 90 к.	15 р. 50 к.
Сах. свекла »	1 р. 08 к.	2 р. 60 к.
Лен »	28 р. 62 к.	150 р. - 175 р.
Хлопок »	24 р. 18 к.	170 р.
Табак »	65 р. 28 к.	440 р. - 530 р.
Пенька »	20 р. 10 к.	170 р. - 200 р.

Важнѣйшую часть урожая, о чем говорит цѣна пшеницы (остальные зерновые, за исключеніем риса, оцѣняются ниже пшеницы), государство берет по цѣнѣ, только в два раза превышающей довоенную. Столь-же мизерна и оплата сахарной свеклы и подсолнуха. За техническія культуры уплачивается от 5 до 9 раз выше, чѣм в 1913 г., но это ровно ничего не говорит, если одновременно не знать — по какой цѣнѣ в районах технических культур, нуждающихся в хлѣбѣ, он продается государством; и второе: по каким цѣнам нужны ему промышленные товары крестьянин может приобрести у того же государства? На первый вопрос отвѣчают такія цифры. В хлопкопроизводящих районах, гдѣ за хлопок - сырец, со всѣми преміями за максимальную сдачу, государство платит в 7 раз выше, чѣм до войны, пшеничная мука 85% помола, т. е. невысокаго качества, продается государством за 21 р. 32 коп. пуд. В этих мѣстах в 1913 г. самый высокій сорт муки — «голубое клеймо» шел по 2 р. 40 пуд. В льнопроизводящих районах (т. н. III пояс) правительтво за лен платит в 6 - 7 раз больше, чѣм до войны. Пшеничная мука продается 38 р. 56 коп. пуд. — в 14 раз дороже, чѣм в 1913 г.

Разрыв между заготовительными цѣнами и цѣнами промышленных товаров еще болѣе велик, как о том говорит ниже приводимая справка. Слѣдует предупредить, что в ней показанныя цѣны имѣют скорѣе иллюстративный характер. Онѣ не могут быть срав-

нимы: установить цѣны издѣлій болѣе или менѣе однороднаго качества совершенно не удалось. Для ситца 1937 г. взята самая низкая цѣна, какую только можно было найти. В спекулятивной продажѣ его цѣна в 3-4 раза выше. Ни по качеству, ни по широтѣ ткани, нынѣшній ситец несравним с довоенным. Еще болѣе это вѣрно относительно сукна. Для 1937 г. нами взята цѣна того сукна «без износа», которой в первые годы революціи пользовалась совѣтская статистика при установленіи бюджетнаго индекса и бюджета довоеннаго рабочаго. С ним никак не может быть сравнимо совѣтское сукно на бумажной основѣ и почти без шерсти. То же самое слѣдует сказать о мылѣ, чаѣ, сапогах (хромовые сапоги нынѣ стоят свыше 250 рублей). Этими качественно несравнимыми предметами приходится все же пользоваться, других нѣтъ.

Цѣны крестьянских покупок

	1913 г.	1937 г.
Ситец метр	18 коп.	3 р. 70 коп.
Сукно »	3 р. 26 коп.	60 р.
Сапоги пара	5 р. 40 коп.	90 р.
Сахар раф. кило	38 коп.	4 р. 90 коп.
Сельди	25 коп.	4 р. 50 коп.
Подсол. масло	35 коп.	13 р. 50 коп.
Чай 500 грамм	1 р. 20 коп.	40 р.
	11 р. 02 коп.	216 р. 60 коп.

Взяв указанные предметы не в безпорядкѣ простого перечисленія, как это только что сдѣлано, а в том порядкѣ вѣса и количества, какими они входили в потребленіе, на примѣр, довоеннаго рабочаго, мы получили-бы отношеніе, мало чѣм отличающееся от того, что даст простое сопоставленіе. За названные предметы, в количествѣ их мѣсячнаго потребленія довоенным рабочим, крестьянин в 1913 г. должен был-бы заплатить 2 р. 15 коп., а в 1937 г. — 44 р. 35 коп. Вздорожаніе, без учета различія в качествах, в 20 раз. Поэтому, когда крестьянин получает от государства за зерно в 2 раза, а по техническим культурам от 5 до 9 раз больше, чѣм до войны, и одновременно должен тому же государству за издѣлія платить в 20 раз выше, чѣм в 1913 г., говорить о какой-то эквивалентной оплатѣ его труда, об отсутствіи здѣсь тяжелаго налога

— значило - бы лгать. «Ножницы» цѣн рѣзали русское крестьянство и до войны. Сельско - хозяйственные цѣны были значительно ниже мировых цѣн, цѣны же промышленных товаров, нужных крестьянину, значительно выше заграничных. Раствор ножниц с тѣх пор невѣроятно раздвинулся. В этом актѣ и заключается нехитрая механика «соціалистическаго накопленія». В 1937 г. на простой разницѣ между низкой оплатой взятых из колхозов продуктов и продажей их по высоким оптовым цѣнам Комитет Сельско - Хозяйственных Заготовок заработал *24 миллиарда рублей* (в видѣ налога с оборота). И эта сумма, вмѣстѣ с десятками миллиардов рублей прибыли от продажи населенію по высочайшим цѣнам издѣлій легкой и пищевой индустріи из взятаго у крестьянина дешеваго сырья, составила и составляет основные ресурсы «соціалистическаго накопленія». Сталин и К-о утверждают, что одно из *преимуществ* их соціалистической системы над капиталистической заключается в том, что она обезпечивает во много раз большее накопленіе и, тѣм самым, позволяет вести огромное капитальное строительство. Сдвиньте раствор ножниц цѣн, больше платите крестьянам, рабочим и служащим, т. е. производите больше предметов потребленія, и «преимущество» их «соціализма» сразу исчезнет!

Правительство, прекрасно понимая, что берет продукцію села почти даром, хочет позолотить горькую пилюлю. Дѣлая маленькую уступку принципу «покупки», оно предоставляет колхозам часть их продукціи не отдавать государству в порядкѣ обязательных поставок, а ему «продавать», но «не по цѣнам, складывающимся на рынкѣ», а «по *твердо установленным* государственным цѣнам, болѣе высоким, по сравненію с заготовительными цѣнами поставок, но ниже цѣн базарной торговли» (см. «Совѣтская Торговля», 1936 г. июнь, статья «Хлѣбозакупки»). Это, как говорится, «тѣх же щей, лишь пожире лей». «Твердые» цѣны закупок государства только на 35 - 40% выше чрезмѣрно низких цѣн обязательных поставок. Правительство это также понимает и еще раз золотит пилюлю. «Стимулируя» слишком дешевыя хлѣбозакупки (колхозов и колхозников) оно, в придачу к деньгам, видѣляет особый товарный фонд. На рубль по продажѣ хлѣба можно из этого фонда купить на 3 рубля товаров. Фонд товаров весьма своеобразный и «гетерогенный». В нем нѣтъ нужных деревнѣ продовольственных товаров, обуви, бѣлья, одежды, за то, наряду с автомобилями, бензином,

лѣсом, мѣшками, имѣются музыкальные инструменты, даже рояли, часы, велосипеды, бритвы, электрическіе утюги и, в огромном количествѣ, патефоны и зубныя щетки. Производство этих предметов стоит правительству крайне дешево. «Стимулируя» ими, вмѣсто приличной оплаты закупок, оно дѣлает очень выгодную для себя сдѣлку. А колхозы и колхозники берут и гармоніи, и зубныя щетки; лучше это, чѣм ничего. Этим и об'ясняется диковинное и загадочное распространеніе в колхозной деревнѣ патефонов — при нуждѣ в обуви, сахарѣ, ситцѣ, керосинѣ!

Гораздо существеннѣе хлѣбозакупок, являющихся лишь ослабленной формой обязательных хлѣбпоставок, дарованное колхозам право торговать на рынкѣ по «вольным цѣнам» тѣм, что у них остается послѣ поставок государству и не идет в распределеніе по трудодням. Может показаться нѣсколько непонятным — для чего собственно колхозам торговать хлѣбом, мясом, молоком, медом, овощами, фруктами? Раз эти продукты имѣются в каком-то «излишкѣ», — было-бы правильным и справедливым распределить их по трудодням между членами колхоза. Этому-то и не хочет правительство, не без основанія считая, что крестьянин, получив дополнительно натурою сверх того, что ему дают, и нуждаясь в деньгах, продаст получку по цѣнам высшим, чѣм тѣ, по которым сейчас продает администрація колхозов. Продажи же колхозов в значительной степени регулируются; выступая на рынкѣ и, как будто, продавая по вольным цѣнам, колхозы, в дѣйствительности, всегда повинуются предписанным им свыше (мѣстной властью) указаніям, чтобы воздѣйствовать на рыночныя цѣны в сторону их сниженія. Мясо ими очень часто продается на 30% ниже, чѣм крестьянами, нужно думать, что послѣдніе без большого удовольствія смотрят на такое, им мало выгодное, искусственное пониженіе цѣн. Товарная продукція, выносимая колхозами на рынок, по своей массѣ крайне невелика, по той простой причинѣ, что подавляющую долю продуктов у них забирает государство. Выручка от продаж на рынкѣ, тѣм не менѣе, составляет значительную часть денежных доходов колхозов. В 1936 г. они продали на 3.610 миллион рублей, тогда как огромнѣйшее количество хлѣба, сырья и разных продуктов, поставленных государству, было оплачено всего на всего 6900 миллионами рублей. Это отношеніе ярко отбѣгает мизерную оплату государствам обязательных поставок и в то же время показывает, что, при ничтожных денежных поступлениях от

государства, колхозы без продаж на вольном рынкѣ не имѣли бы достаточно средств, чтобы покрыть свои нынѣшніе расходы.

Кромѣ двух указанных статей доходов, у колхозов есть еще третья, фигурирующая в их балансах под названіем: «денежныя поступления от подсобных предпріятій и заработков на сторонѣ». Доходы от предпріятій, вродѣ небольших мельниц, маслобоек, сушилен, слесарных мастерских и т. д., ничтожны и не заслуживают большого вниманія. А на заработках на сторонѣ нужно остановиться. Они оригинальны. В 1937 г. крестьяне 85.000 колхозов, по нарядам их администраціи, работали на лѣсоразработках. Им причитающіяся деньги поступили не в руки работавших, а в кассу колхозов. Крестьяне 169.000 колхозов занимались извозом. Весь их заработок администрація колхозов записала себѣ на приход. Крестьяне из 77.000 бѣдных колхозов работали на полях богатых, вспахивая им землю, убирая урожай. «Барин» — колхоз, как в крѣпостное время, отпускал подчиненных ему людей для работы на сторону, но все, что они заработали, получил за них и занес в книгу прихода. Крестьяне из 93.000 колхозов работали для промышленных предпріятій, на желѣзных дорогах, очищали пути от снѣга... Все, что они получили, пошло в кассу колхозов. Подобныя операціи, называемыя в СССР «плановым и раціональным использованием рабочей силы», не могли-бы имѣть мѣста, не будь в мозгу управителей страны, строящих социалистическій строй, очень живо воспоминаніе о порядках крѣпостной общины...

Таковы денежные доходы колхозной системы. В 1936 г. поступления от государства за хлѣбозакупки и обязательныя поставки в них составляли 55%, продажи на рынкѣ 29% и 16% дали только что обрисованныя «поставки» на сторону рабочей силы. В абсолютной цифрѣ денежные доходы всех колхозов, как о том сообщил Сталин на 18 с'ѣздѣ партіи, поднялись в 1937 г. до 14,1 миллиардов рублей. На что они были израсходованы? Несмотря на то, что в формѣ натуральных поставок, колхозы уже выполнили тяжелую налоговую повинность, из их денежных доходов в 1937 г. взято дополнительно 8,3% для разных обязательных платежей и, в том числѣ, подоходнаго налога. Дальше, 25,3% доходов пошли на производственныя нужды, 12,4% в «недѣлимый фонд» накопленія для разных капитальных работ, 5,7% истрачены на административно - хозяйственныя и культурно - бытовыя нужды. В распределеніе крестьянам по грудодням осталось всего 47,9%. В

сравненіи с 1933 г., когда осталось 24%, — огромный прогресс. Однако, эти 47,9% в абсолютной цифрѣ представляют собою только 6.753 миллиона рублей, что, при 18,5 миллионах дворов, объединенных в колхозы, дает на двор *365 рублей*. Это — в среднем, считая и колхозы - миллионщики, и колхозы - бѣдные, колхозы - зерновых районов, с самой ничтожной оплатой деньгами трудодней, и районы - технических культур, гдѣ получка крестьян представлена, главным образом, деньгами. Ясно, что денежная получка на двор у подавляющаго числа колхозов была значительно меньше 365 рублей.

Увы, даже из этой небольшой суммы, изрядная доля высасывается дальнѣйшей серіей налогов. «Фининспектор» слѣдует по пятам за колхозником, когда, получив свои 365 рублей, он направляется домой. Колхозник должен будет заплатить: 1) до 50 рубл. (на хозяйство) сельско - хозяйственного налога, за «доходы от приусадебной земли» 2) так называемый «культурный сбор» — до 50 руб. на хозяйство; 3) так называемое «самообложение» (для мѣстных нужд) — до 20 рублей; 4) обязательные страховые платежи и 5) обязательно подписаться на Государственный заем.

Сколько это все составит? «Плановое Хозяйство» в статьѣ о «Доходах колхозов и колхозников» (1938 г. № 9) утверждает, что «в 1937 г. с. х. налог составлял 25,5 р., в среднем, на двор, а прочие налоги и сборы — 27,1 руб. Всѣ налоговые платежи составили 52,6 рублей». Ни «самообложение», ни обязательную подписку на заем, автор, очевидно, в число платежей не помѣщает. Будь «Плановое Хозяйство» болѣе внимательно к тому, что печатает, оно, из сопоставленія цифр на стр. 101 и 102 цитируемаго № журнала о расходах колхозов, без большого труда узнало-бы, что налоги, самообложение, подписка на заем и пр., в среднем, по 28 областям, равнялись в 1937 г. — *102 р. 54 коп. на двор*. По их уплатѣ, из получки 365 рублей остается 263 рубля. Считая во дворѣ 4½ души, денежный приход за год от колхоза на душу 58 руб. 45 коп. Индекс вздорожанія важнѣйших промышленных товаров, покупаемых крестьянством, в сравненіи с 1913 г. равен 20. Поэтому, годовая получка нашего «средняго» колхозника на двор в довоенных цѣнах равна — 13 руб. 15 коп. или на душу двора — 2 руб. 92 коп. В лицѣ всѣх его мужчин и женщин, стариков и подростков, каждый крестьянскій двор проработал в колхозах в 1937 году, в общей совокупности, 438 трудодней. Денежная оплата ра-

бочаго дня этих трудящихся составляет — 13 р. 15 к. на 438 — *ровно три довоенных копейки!* Допустим, что, вопреки приведенным выше исчислениям, индекс вздорожания жизни не 20, а только 10. Тогда оплата трудодня будет *не три, а шесть довоенных копеек*. Так или иначе, но средняя денежная получка за трудодень недалеко от знаменитой копѣчки, подававшейся когда-то нищим на церковной паперти...

А установив этот бесспорный факт, мы уже можем внести поправку в заявленіе г. Андреева, что «в *нѣкоторых колхозах* доходы от личного хозяйства стали превышать доходы по трудодням». Не «в *нѣкоторых колхозах*», а в подавляющем большинствѣ; повторяем: за исключеніем районов технических культур (напр. хлопковых), денежная получка крестьян от колхоза всюду равна почти нулю. «Заниженіе (?) денежных доходов по трудодням», по мнѣнію «Планового Хозяйства», — «явилось в значительной мѣрѣ результатом *подлой дѣятельности врагов народа, орудовавших в земельных и иных органах*». Самая возможность в совѣтской прессѣ такого объясненія нас крайне утѣшает. Пусть не говорят, что в СССР нѣтъ движенія мысли. Маленькое мозговое усиліе, и легко притти до слѣдующей стадіи признанія: оплата тремя довоенными копѣчками дня работы крестьян есть результат «подлой» общей системы, установленной врагами народа, орудующими в высших органах страны и называющими себя «отцами» и «вождями» народа *).

Возвратимся, однако, к нашему «среднему» колхознику. Денежная оплата его трудодней микроскопична. Что же в таком случаѣ он получает? Кромѣ денег — вознагражденіе натурой. Это и есть самое существенное, что ему дает колхоз. Крестьянин получает какое-то количество картофеля (в 1934 г. 7,8 центнеров), овощей (в 1939 г. — 5,4 ц.), иногда мясо, мед, жмыхи, фураж. В Краснодарском краѣ в 1936 г. выдано 5 центнеров сѣна, 3 центнера соломы (ничтожное количество!) За отсутствіем необходимых данных, твердо установить всю эту часть получек натурой мы не в состояніи. За то выдача зерна (пшеницы, ржи, ячменя, овса, гре-

*) Наша статья написана до майских постановленій о ликвидаціи хуторских участков, отобраніи избытков приусадебной земли, установленіи обязательной нормы работы в колхозах. В этих постановленіях мысль не движется вперед, а проникнута лишь стремленіем охранить явно гнилую систему...

чии, проса) — важнѣйшая часть оплаты крестьянина натурой, — очерчивается довольно ясно совѣтской статистикой: зерна было выдано, в среднем, на двор в 1932 г. — *5,5 центнеров* (33 пуда), в 1934 г. — *10,9 центнеров*, в 1937 г. — *17,5 центнеров*. Для пропитанія колхозной семьи в $4\frac{1}{2}$ души нужно на каждую 2,5 центнера зерна. На двор около 11 центнеров. В 1932 г., когда выдача составляла только половину необходимой для пропитанія, деревню давил лютый голод. В 1934 г. потребность в хлѣбѣ была как будто покрыта, но не оставалось ни грамма зерна на корм скота. Увеличивать скот или даже поддерживать его существованіе можно было только за счет питанія людей. В 1937 г. появились сверх необходимой для людей пищи нѣкоторые скромные излишки для кормленія скота (за отсутствіем и в этом случаѣ свѣдѣній, мы не имѣем представленія об их составѣ). 1937 год должен привлечь к себѣ особое вниманіе потому, что в этот год страну, по словам совѣтскаго правительства, осчастливил «неслыханный, небывалый, рекордный урожай», высота котораго будто-бы стала возможной только вслѣдствіе «соціалистической передѣлки колхозников, созданія новой дисциплины труда, дисциплины крупнаго машиннаго земледѣльческаго производства». На том же послѣднем с'ѣздѣ его партіи, Сталин счел возможным заявить, что в 1937 г. урожай зерна достиг 1202 милліона центнеров (7,200 милліонов пудов). Ни одной минуты не сомнѣваюсь, что в нашей странѣ возможны сборы не только в 1200, но и в 1500 милл. центнеров. Так и будет. Не обречены же мы имѣть с гектара - чернозема максимум 10 - 11 центнеров, тогда как другія страны, на худших землях, получают 15 - 20 центнеров. Но этого не было в 1937 г. Цифра Сталина, при сопоставленіи с другими совѣтскими цифрами, пышет невѣроятностью и противорѣчіем. Посчитайте: государство от обязательных поставок, от натурплаты МТС, от хлѣбозакупок, по словам того-же Сталина, получило 2 милліарда пудов — 333 милліона центнеров. Колхозникам на 18,5 мил. дворов выдано по 17,5 центнеров на каждый, — 323 милліона центнеров. Из них они уплатили гарницовый сбор за помол, и этот сбор, слагаясь с другим гарницовым сбором, мог составить изрядный государственный зерновой запас. По этим двум статьям имѣется 656 милліонов центнеров зерна. Вычитая их из 1202 милліонов, получаем 546 милліонов, якобы оставшихся от урожая в социализированном колхозно - совхозном секторѣ для обмененія полей, кормленія скота, страховых

фондов. Невѣроятно! Общѣменение полей требует, максимум, 140 миллионов. На скот, в том сравнительно небольшом количествѣ, какое находится во владѣніи государства — в совхозах и колхозах, при практикующихся нормах кормленія — вряд-ли могло быть потрачено болѣе 140 миллионов. Прибавьте к этому увеличеніе страховых фондов, расходы по всяким другим нуждам, получите, допустим, 320 или 340 миллионов центнеров. Куда же дѣваются остальные 200 миллионов центнеров? Миллиард двѣсти тысяч миллионов пудов? Помѣщаются в амбары, склады, силосы? *Нѣтъ* таких складов, чтобы, помимо уже сдѣланных больших запасов, держать сверх-запасы в только что указанном количествѣ.

Ларчик просто открывается. Этих 200 миллионов центнеров излишка нѣтъ. Они числятся на бумагѣ для прославленія Сталина. Урожай опредѣляется в СССР на корню, при игнорированіи дѣйствительных потерь при уборкѣ. Цифры их урожая, поѣтому, всегда значительно выше количества зерна, попадающаго в амбары. Это полностью признает и «Плановое Хозяйство» (1938 г., кн. 9, стр. 75): *«фактически собранная и заприходованная продукция не совпадает с дѣйствительной урожайностью. Еще очень значительны потери при уборкѣ»*. Что же в таком случаѣ означает цифра Сталина? Все, что угодно, только не «дѣйствительную» продукцию, «фактически» заприходованную. Реальный сбор зерна в 1937 г. не 1202 милл. цент., а, как опредѣлил С. Н. Прокопович, 1000 миллионов центнеров, с чѣм согласуются и выше приведенныя выкладки. Послѣдній год до войны — 1913 г. — был годом очень высокаго урожая и именно его и интересно сравнить с «небывальным» урожаем при Сталинѣ. По совѣтским исчисленіям 1913 г. дал сбор в 944 миллиона цент. зерна (см. «Основные проблемы контрольных цифр на 1928-29 г.», стр. 183). «Рекордный» урожай 1937 г. превосходит его только на 56 миллионов центнеров — всего на всего на 6%! Цифра, опрокидывающая коммунистическую рекламу и говорящая о небольшом производительном эффектѣ планированной колхозной системы, со всей ея агротехникой, «соціалистической передѣлкой колхозников» и сотнями тысяч тракторов и комбайнов... В 1913 г., при населеніи в 140 миллионов, валовой сбор зерна на душу дал 6,7 центнеров. При «небывалом» урожаѣ 1937 г. валовой сбор на душу, если пользоваться официальными цифрами о народонаселеніи, — 6 центнеров. Тогда страна могла вывозить хлѣб, теперь, при увеличеніи населенія, экспорт сошел

на нѣт и стал невозможным: при рѣзком сокращеніи в странѣ мяса, сала и молока, потребность в хлѣбѣ (и картофелѣ) крайне увеличилась.

Как уже упомянуто, общая выдача зерна колхозным крестьянам достигла в 1937 г. — 323 милліона центнеров, 32% валового сбора, или, вычитая из послѣдняго зерно на обмененіе, около 38%. Не будем дѣлать попыток сравнивать этот процент с довоенным. Тут многое несравнимо. Прежній крестьянин был хозяином. Из валового сбора хлѣба он должен был, как хозяин, нести расходы на покупку рабочаго скота, машин, орудій, сельско-хозяйственного инвентаря, сѣмян и т. д. Нынѣ подавляющая масса затрат на такіа нужды из бюджета колхозника отпала. Всѣм вѣдает колхоз. Колхозник получает от него свое вознагражденіе не в качествѣ хозяина, а в качествѣ батрака. При этих условіях можно было еще примириться с процентом урожая, переданнаго в 1937 г. в руки крестьян, имѣй они из колхоза, в дополненіе, достаточное денежное вознагражденіе за трудодни. Этого-то и нѣт. Оплата трудового дня тремя довоенными копѣйками есть издѣвательство. Полученіе же одной только натуры, да еще в скромном об'емѣ, крестьянина не может удовлетворить: — ему нужны деньги на покупку одежды, бѣлья, обуви, сахара, чая, табаку, керосина, посуды, разных предметов для жилища (стекло, доски, гвозди). Положеніе нашего, со всѣх сторон опекаемаго, переобложеннаго налогами крестьянина, было-бы безнадежно — плачевным, если-бы, обнаруживая поразительную живучесть и приспособленіе, он не сумѣл вывернуться из тисков удавнаго сталинскаго строя. И он вывертывается. И жизнь его с 1935 г. *не ухудшается*, а, хотя и в малых дозах, *улучшается*. В этом улучшеніи огромную роль играет окрѣпшее личное хозяйство крестьянина, против «раздуванія» котораго выступил с'ѣзд партіи Сталина. Не менѣе важно коренное измѣненіе самой психологіи деревни. Опираясь на наблюденія людей, имѣвших возможность не мысленно, как мы, а «глазом» видѣть нынѣшнюю деревню, можно утверждать, что в ней почти исчез прежній характерный тип крестьянина — мямли, нерасторопнаго, не предприимчиваго, безпомощнаго Обломова. Пройдя чрез совѣтскій огонь, кровь, голод, долгій період самых тяжелых испытаній, крестьянин измѣнился, закалился, приобрѣлъ черты, чуждыя толстовскому Платону Каратаеву. Волею коммунизма, отобравшаго у него землю и хозяйство, он превращен в батрака колхоза, но противо-

рѣчивая «диалектика» жизни из этого же батрака сдѣлала предприимчиваго хозяина на крошечном клочкѣ земли, оставленном в его распоряженіи. Он стал его особенно цѣнить и холить. На огородѣ, в ладонь размѣром, он получает больше овощей, а в рядѣ мѣст и гораздо болѣе картофеля, чѣм ему дает колхоз. Корм скоту, как правило, он может получить только из колхоза и колхозных пастбищ. И, однако, из официальных отчетов мы с удивленіем узнаем, что 15% нужнаго корма крестьяне каким-то образом ухитряются получить с приусадебной земли.

Новый крестьянин стремится превратить в капитал, в доход, в цѣнность все, на что прежде или не обращал почти никакого вниманія, или над чѣм работал, спустя рукава. Навязанный ему коммунистическій строй развил в нем как раз тѣ самыя черты, которыя отличали психологію «ликвидированнаго» коммунистами кулака и хозяйствен. мужика от других крестьян. Настойчиво и упорно борясь, под прессом сталинскаго строя, за лучшую жизнь, как он ее понимает, а не так, как из под кнута и револьвера его заставляют понимать Сталин и К-о, крестьянин хочет, чтобы его личное хозяйство, его корова, телка, свинья, куры, утки, грядка земляники около дома, десяток яблонь в саду, ряд малины, посадка лука, моркови, капусты, приносили ему возможно большій доход. Так как подавляющая часть продукціи сельскаго хозяйства вообще изъята из распоряженія крестьян — производителей и предметом их оборота и продаж не является, крестьянство, при нынѣшних условіях, *ни в коем случаѣ* не может получить из національнаго дохода долю, соответствующую его численности, значенію, праву, потребностям. И все же оно помаленьку накрывает к себѣ, в свою пользу, рычаги перераспределенія національнаго дохода. Приспосаблиясь к кон'юктурѣ рынка и его потребностям, крестьянин стремится, что только может, пустить в оборот по такой цѣнѣ, чтобы вопреки государственному планированію, сознательно отводящему ему ничтожное количество товаров (см. цифры планированнаго сельскаго оборота) у него явилась возможность их имѣть больше. Коммунистическому индексу цѣн, надѣвающему на него мертвую петлю, он противопоставляет свой индекс цѣн — крестьянскій. Борьба индексов отражает борьбу за долю в національном доходѣ, за увеличение в нем доли потребленія за счет доли накопленія, которую правительство все время хочет держать на непомѣрной и непосильной для страны высотѣ. Даже для не очень существеннаго вы-

игрыша в товарообмѣнѣ, крестьянин должен — государственному индексу в «20» (двадцать раз дороже чѣм в 1913 г.) противопоставить 25 или 30. Он не может этого сдѣлать, конкурируя с продуктами, которые, взяв из колхоза, пускает на рынок правительство. Тогда крестьянин начинает по всѣм направленіям маневрировать второстепенными продуктами хозяйства. Яблоки в Москвѣ он продает 5 руб. 60 к. — 8 руб. килограмм; это не стоило и 20 коп. Землянику в Кіевѣ он продавал до 3 руб. 50 к. килогр.; она не стоила больше 15 к. В Ферганѣ кило винограда в 1938 г. продавалось за 2 р. 75 коп., и «Правда» (№ 21, УІ-1938 г.) отмѣчала, что цѣны на виноград «значительно ниже прошлогодних». До войны пуд (16 кил.) лучшаго винограда стоил в Ферганѣ 1 р. 80 к...

Что же принесла крестьянству эта борьба за «индекс», ведущаяся при вѣчных наскоках и прижимах власти? Вот отвѣт. По данным ЦУНХУ (Управленія учета) сумма денежнаго прихода колхознаго двора, в среднем, по 28 областям СССР в 1937 г. поднялась до 1806 рублей. В эту сумму входят не только продажи на рынках, но всѣ формы денежных доходов, в том числѣ и работа по найму. К сожалѣнію, нам неизвѣстно, а это крайне важно, по каким областям произведен учет и в какой пропорціи разныя статьи дохода входят в указанную суму. Но из вышеприведенных цифр мы знаем, что по всѣм колхозам денежный доход по трудодням, до уплаты налогов, в среднем 365 рублей на двор. Значит, он составляет только 20% общих денежных доходов крестьянства, 80% остального денежнаго дохода разными способами получены *внѣ* колхоза, и в их числѣ первенствующую роль, разумѣется, играет доход от личнаго, подсобнаго хозяйства. Из весьма интересных данных, вѣроятно с большой неохотой и только мельком сообщенных журналом Госплана, явствует, что стоимость продуктов личнаго хозяйства, представляя в своем минимумѣ 429 рублей, достигает в нѣкоторых хозяйствах — 4.974 рубля. По обследованным хозяйствам общая стоимость этих продуктов в Узбекской республикѣ, в среднем, 1900 рублей, в Краснодарском краѣ — 2200 рублей, Днѣпропетровской области — 2800 руб. Часть продуктов личнаго хозяйства крестьянин потребляет сам, другая же часть, поставленная на рынок, и образует главную часть его денежнаго дохода.

Личное хозяйство, разумѣется, в какой-то, и не малой мѣрѣ, базируется на ресурсах, полученных от «обобщественнаго хо-

зяйства». Доходы от животноводства не могли бы имѣть мѣста, если бы не было корма для скота, заработаннаго в колхозѣ. Но «натура» (овес, ячмень, сѣно и т. д.), полученная из колхоза, так сказать, перерабатывается в личном хозяйствѣ, принимает форму мяса, сала, молока, масла, яиц. Труд в личном хозяйствѣ прибавляет к натурѣ дополнительную цѣнность и превращает ее в денежную цѣнность. Что же касается овощей, фруктов, ягод и т. д., то такая цѣнность создана уже исключительно в предѣлах личного хозяйства.

Превышеніе в нѣсколько раз денежнаго дохода личного хозяйства над денежной оплатой «трудодней» в колхозах объясняет нам явленіе, столь смущающее и пугающее управителей страны. В глазах крестьянства, личное хозяйство приобретает характер *основного*, хозяйство же колхозное разсматривается, наоборот, как *подсобное*. Крестьянин толкает воздвигнутую Сталиным тоталитарную сельскую экономику со всѣми ея порядками. Он ставит ряд таких проблем, которыя, не подвергаясь крупнѣйшим измѣненіям, нынѣшній режим не в состояніи разрѣшить. Правительство не так уже глупо, чтобы не понимать, что указ ХУІІІ сѣзда, пресѣкающій расширеніе личного хозяйства, ни к чему серьезному, кромѣ недовольства деревни, крайне опаснаго в нынѣшней обостренной международной обстановкѣ, привести не может. Но даже при сильнѣйшем желаніи прихлопнуть это хозяйство, Кремль этого сдѣлать не в состояніи. Повторить 1929 - 1930 годы уже нельзя: крестьянство не то, обстановка не та.

Желая увеличить оплату трудодней, постановленіе от 19 апрѣля 1938 г., подписанное Сталиным и Молотовым, приказывает уменьшить административные расходы в колхозах, прекратить в них «раздуваніе производственных и капитальных затрат» (еще недавно этими затратами невѣроятно гордился!) и впредь распределять «между колхозниками на трудодни не менѣе 60-70% всѣх денежных доходов артели». Конечно, это лучше, чѣм 47% распределенных в 1937 г., но и эта уступка не может удовлетворить крестьянства. При 14,1 миллиардах рубл., как в 1937 г., доходов колхозов, — 70% из них, обращенные на оплату трудодней, составили бы 9,8 миллиардов рублей. На 18,5 миллионѣ дворов это дало бы, в среднем, всего только 534 рубля. Кто скажет, что такой выдачей из «обобщественнаго хозяйства» можно заставить крестьянина не придавать значенія в нѣсколько раз большому доходу, уже

получаемому им из личного хозяйства? Нужно увеличить всю массу денежных доходов колхозов, для чего необходимо увеличить их производство, — говорил на с'ѣздѣ Андреев. Совершенно вѣрно, только если процент государственных из'ятій из урожая останется тѣм же и останется та же совершенно ничтожная оплата этих из'ятій, — большого увеличенія денежной оплаты трудодней никак не может быть. А если повысить цѣны за поставки и закупки, тогда испарятся 24 миллиарда рублей барыша, полученных Комитетом заготовки и обращенных на нужды строительства «соціалистической индустріи».

Из создавагося тупика правительство, повидимому, ищет выхода в двух направленіях. Оно считает, что можно повысить оплату трудодней, распредѣляя доходы между меньшим числом работающих, т. е. уменьшая число занятых в колхозах людей, направляя для этого их излишки в другія отрасли хозяйства и, прежде всего, на работу в индустрію. Кромѣ того, насколько можно судить по долетѣвшим до нас свѣдѣніям, предполагается придать широчайшій размах политикѣ, проводившейся искони всѣми правительствами Россіи: переселенію крестьян в Сибирь и на Д. Восток, — политикѣ, приобретающей нынѣ особое значеніе в виду присутствія агрессивнаго восточнаго сосѣда. Анализировать оба указанных мѣропріятія и их возможный эффект здѣсь нѣтъ мѣста. Скажу только, что правительство Сталина, как и за ним слѣдующее, так же мало как и царскія правительства, может отмахнуться от «крестьянскаго вопроса». В уже идущих и грядущих передѣлках нынѣшняго строя Россіи, послѣднее слово принадлежит крестьянству.

Е. Юрьевскій